

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

МИССИЯ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Смену культурных эпох можно представить как своеобразный ответ коллективного субъекта на вызовы времени. Содержание и характер этих вызовов меняется, но при этом сохраняется их внутренний нерв, связанный с укрощением тех природных инстинктов, которые стимулируют и питают деструктивные формы человеческого поведения. Центральным здесь является агрессивность — инстинкт, общий для человека и животных и выполняющий в животном мире важнейшие функции в системе выживания (агрессивность характерна, в основном, для отношений животных внутри одного вида и связана с борьбой за жизненное пространство, обладание самкой и т. п.). В животном мире агрессивность укрощается иерархией, которую поддерживают все особи (так называемое «моралеподобное» поведение), а также врожденными механизмами торможения агрессии (ритуалы умиротворения — крик птенца, «позы покорности» у собак, оленей, обезьян). В целом механизмы агрессии и торможения у животных находятся в равновесии.

Человек от природы был оснащен другими инстинктами умиротворения — *эмпатией* (способностью переживать боль и страдания другого как собственные) и *чувством отвращения*, вызываемым видом крови. До какого-то периода этих механизмов было вполне достаточно, тем более, что врожденные «орудия убийства» у человека гораздо слабее в сравнении с животными.

Но на определенном этапе человеческой истории это равновесие стало периодически нарушаться — и прежде всего в те эпохи, когда условия бытия явно или косвенно поощряли агрессивные формы поведения. Аг-

рессивность стимулировалась системой социальной организации, искусственно созданными орудиями убийства (легче убить, не видя свою жертву — подписав приговор, нажав на пусковую кнопку ракеты) и прочим. Этому дисбалансу в определенной степени способствовал природный фактор — врожденная высокая агрессивность человека (как известно, при глубоком гипнозе агрессивно-оборонительный инстинкт угасает последним). Агрессивность была востребована уже на ранних этапах социальной организации, но значительных масштабов она достигла в эпоху расцвета язычества.

В то же время, вместе с развитием орудий, культура вырабатывала способы сдерживания агрессивности — в форме традиций (например, кровная месть, сдерживающая персональную экспансию насилия родовой ответственностью), в форме кодифицированного права и т. д. Но ключевым в человеческой истории стало так называемое «осевое время» — период зарождения великих культурных систем, основанных на *Норме, Законе* (это характерно и для конфуцианства, и для Ветхого Завета, о котором апостол Павел в послании к галатам писал: «До пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. <...> Плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На них нет Закона»).

Нормы смогли как-то ограничить разгул жестокости, возникший в языческом мире в результате культа гордости, чувственности и поклонения обожествленному человеку. Закон формировался в соответствии с базовыми потребностями, определяющими смысл и функции социума, а именно:

— *потребность в безопасности* человеческой жизни (цель социума — защита от насилия). Данная потребность чрезвычайно актуальна с точки зрения целостности социума — у человека, в отличие от животных, нет заложенного природой инстинкта ограничения насилия, а потому с созданием опосредованных орудий убийства экспансия насилия становится неуправляемой;

— *потребность в стабильности*, предсказуемости отношений (цель социума — гарантия выполнения соглашений и договоренностей между людьми). Для социума это чрезвычайно важно — только человеку присуща такая форма деструктивного поведения, как ложь.

Нормы закона носят внешний по отношению к личности характер. Удерживать социум в рамках закона не легко, поэтому нормы подаются как исходящие от абсолютного авторитета, носящего статус сакрального (заповеди Моисея — от имени Бога) или персонифицируются и утверждаются источником силы. Если норма не обеспечена соответствующим образом, закон перестает действовать.

В определенный период истории закон парадоксальным образом стал резонировать с тем, что он запрещал, и тем самым поддерживать свой объект отрицания (по утверждению апостола Павла, «*жало смерти — грех, а сила греха — закон*»).

Новый Завет принес человечеству более совершенную систему нравственных регуляторов — *ценности*. Две тысячи лет культура старалась удержать себя в границах ценностно-нормативного ядра Нагорной проповеди Христа, «краеугольным камнем» которой стали: любовь, страдание («блаженны плачущие, кроткие, гонимые за правду»), нестяжательство (отказ от материальных благ согласно духовному выбору — «блаженны нищие духом»).

Сегодня христианская культура утрачивает свою духовную идентичность и переходит к стадии, которую можно обозначить как *цивилизация*. В определенном смысле культура и цивилизация — это два взаимно исключающих типа общественного устройства (по ценностям, социальным регуляторам и пр.). Традиционно культура — это система, выстраивающаяся вокруг персонифицированного этического идеала. Цивилизация — это общественный организм, в основе которого две группы ценностей: *свобода* (автономия) и *материальные блага* (обогащение, потребление, гедонизм, чувственные удовольствия). По существу, цивилизация есть форма воплощения языческой системы ценностей. Наиболее яркий исторический вариант такого культур-

ного типа — языческая модель халдеев (Вавилон), основанная на пантеизме (как известно, халдеи упразднили Создателя), антропоцентризме (еще 3000 лет назад там была создана религия поклонения человеческой гордости, был развит культ обожествления человека) и гедонизме (практикуемая в то время «технология» удовлетворения человеческих похотей в истории не знает себе равных).

Если культура ориентирована на духовность, аскетизм, социальность, соборность, она стыдлива и греховна, то цивилизация агрессивна и самодостаточна, она не знает греха. Если в культуре действуют моральные регуляторы — вера, совесть как внутренняя настроенность на другого, мысль, проникнутая чужой болью, моральная ответственность, то в цивилизации — рациональные: разум, закон как внешнее принуждение, юридическая ответственность как осознание степени соответствия или несоответствия человеческого поступка закону.

Цивилизаций в истории было немало, и у всех финал весьма печальный — распад души, а затем исчезновение государства и народа (наш известный соотечественник, историк Л. А. Тихомиров убедительно раскрыл этапы эволюции язычества: многобожие — всебожие или пантеизм — безбожие — человекобожие — сатанобожие. И эта логика закономерна — как известно, если нет Бога, идеалом человека всегда становится образ сатаны).

Наиболее яркой моделью современной цивилизации является США — государство, которое изначально создавалось на базе языческого идеала. Источниками ценностно-нормативной модели американского общества стали: существенно скорректированный во времена реформации вариант западного христианства; языческое мировоззрение сект, члены которых в большом количестве мигрировали в США (как известно, многие секты исповедовали культ сатаны, например тамплиеры, альбигойские катары, орден храмовников, франко-масоны и др.); социальная философия иудаизма (американцы сами идентифицируют свою культурную модель в ценностном плане как иудео-христианскую). В XX веке эта модель скорректирована и дополнена философией мондиализма, которая обосновала необходимость и неизбежность установления нового глобального Мирового порядка (новую модель «политического мессианизма» — америкоцентризм).

Исповедующая финансовый успех вместо традиционных ценностей честного труда, агрессивно антиморальная, зараженная вирусом гедонистического индивидуализма, современная цивилизация возвращает нас во вре-

мена язычества. Мы видим, как классический образ сатаны перемещается в центр сегодняшнего западного (и прежде всего американского) антропоцентризма. Человек цивилизации оказывается в плену у самой заманчивой иллюзии — свободы, он поклоняется власти, силе, богатству, исповедует культ социального признания, успеха. Во имя достижения этих целей он готов обоготворить зло, отказаться от нравственных принципов, совершить любые формы насилия. Цивилизация — это мир псевдосвободы, где «свободой» потребительского безумия смиряется «бунт рабов» и достигается иллюзорное чувство личной независимости. Человеку цивилизации неведома подлинная свобода, которая реальна лишь в сфере духа (в том числе и свобода добровольно пожертвовать своей жизнью во имя того, что обеспечивает ее смысл).

Именно цивилизация, породив идеологию постмодернизма, своим орудием сделала глобализм, который способствует реализации ее стратегических целей. С приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания активно разрушаются традиционные моральные нормы, представления о добре и зле, расширяются границы культурной аномии и все стремительнее утверждается «царство хаоса». Мировоззренческий двойник глобализма — философия и идеология постмодернизма становится естественной средой обитания человека-потребителя, она задает весьма специфичный антропокультурный тип

личности с размытостью и неопределенностью нравственных качеств, моральной неотягощенностью, безразличием к истине. Идеологи этой духовной «эпидемии» отрицают возможность существования истины как внеличного и универсального знания, выходящего за рамки индивида и его мира.

Дальнейшая агрессивная экспансия идеологии глобализации неизбежна. В этой ситуации *миссия культуры* — по возможности обуздать человеческую агрессивность, культивируемую электронными СМИ, скорректировать (а может быть, даже и выработать новые) моральные механизмы сдерживания глобальной экспансии, минимизировать неизбежные негативные последствия этих процессов на внутриличностном уровне, помочь человеку обрести и удержаться в рамках базовых ценностей и нравственных качеств, способствовавших его становлению. Речь идет о духовности как сопричастности высшим ценностям бытия, моральной ответственности, совести, справедливости, милосердия. Именно эти ценности питают человеческую энергию *милосердия* и *прощения* — тех личностных качеств, с помощью которых минимизируется агрессия, идущая из Прошлого (прощая зло, мы лишаем его силы — оно усиливается лишь в противостоянии). Эти же ценности обеспечивают обращенное к Другому морально ответственное и не требующее «законной» поддержки человеческое Слово, сокращающее область компетенции хаоса в Будущем.